
Е. Н. БОЛОТНИКОВА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОПТИКЕ ГЕТЕРОТОПИИ

Автор рассматривает интеллигенцию как маргинальную группу в истории нашей страны, исследование которой принципиально значимо для понимания актуального состояния социальной реальности. Новизна исследования заключается в применении метода гетеротопии, который сформулирован М. Фуко в докладе «Другие пространства». Интеллигенция рассматривается в оптике принципов универсальности, синхронии, специфической функциональности, трансформируемой длительности как особого типа отношений со временем и репрезентации иллюзионности либо компенсаторности привычного порядка существования. Выводы автора: интеллигенция определяет особое место своего воспроизводства – университет в широком значении, включая иницилируемые им дополнительные культурные практики и влияния; осуществляет специфический «раскрой» времени, занимаясь поиском аутентичного прошлого и конструируя облик будущего как в отношении общества в целом, так и в отношении собственных перспектив и социального значения; выполняет компенсаторную функцию по отношению к общественной практике. Обращение к исследованиям А. Т. Бикбова, А. Эткинды, А. П. Романовой, Е. В. Бакиutowой, А. А. Серых, М. С. Киселевой служит аргументами авторского подхода.

Ключевые слова: гетеротопия, маргинальность, интеллигенция, место, пространство, дискурс, рефлексия, гетерохрония.

The intelligentsia is considered by the author as a marginal group in the history of our country, the study of which is fundamentally important for understanding the current state of social reality. The novelty of the research is in the application of the method of heterotopy, which was formulated by Michel Foucault in his work "Of Other Spaces". The intelligentsia is analyzed in terms of the principles of universality, synchrony, specific functionality, and transformable duration as a special type of relationship with time and the representation of the illusion or compensatory nature of the usual order of existence. The author concludes: the intelligentsia defines a special place for its repro-

duction – the university, in a broad sense, including additional cultural practices and influences initiated by the university; it performs a specific ‘patterning’ of time, looking for an authentic past and constructing the image of the future both in relation to the society as a whole and in relation to its own prospects and social significance; it performs a compensatory function as related to social practice. The author’s approach is based on the appeal to the works by A. T. Bikbov, A. Etkind, A. P. Romanova, E. V. Bakshutova, A. A. Serykh, M. S. Kiseleva.

Keywords: *heterotopy, marginality, intellectuals, place, space, discourse, reflection, heterochrony.*

I. Маргинальность интеллигенции

В наши дни понятие «маргинальность» прочно и твердо закреплено в общественных дискуссиях, посвященных анализу поведения отдельных социальных групп и самоощущению индивидов. Под маргинальностью мы будем понимать специфический опыт индивида в самоопределении себя в социальном пространстве, имеющий выраженные в публичном дискурсе признаки (внешний вид, речь, поведение). Особенностью этого вида опыта является невозможность однозначного приписывания к определенной социальной группе, смешанный характер признаков различных групп в поведении объекта описания. Это некое постоянное существование на границах, краях, пределах и при этом одновременно создание специфического пространства совместности граничащих социальных сегментов. Маргинальность может не только характеризовать индивидуальный опыт, но и описывать совокупное поведение и самописание группы.

Парадокс состоит в том, что в глобальном информационном пространстве в период быстрых социальных изменений, в ситуации «открытых границ» и космополитизма, в условиях динамичного развития рынка труда и потребности в сменяемых формах, местах и профилях рабочих мест все большему числу людей не удастся причислить себя к крупным социальным общностям, к определенному типу ценностных ориентаций, к строгим системам мотивации и культурным доминантам. Иными словами, термин «маргинал» имеет отношение ко все большему числу людей, его значение как бы «расплывается» в публичном пространстве. Это показывает,

с одной стороны, что Э. Парку, автору термина, еще в начале XX в. удалось найти одну из узловых точек анализа социальной реальности, а с другой, – открывает современному исследователю обширное пространство крайне актуальных тематических полей. Изучение маргинальных совокупностей позволяет не только диагностировать состояние общественной жизни, выделяя в ней смыслообразующие черты, но и прогнозировать ее дальнейшее развитие.

На наш взгляд, характерные черты маргинальной группы присутствуют у сообщества, которое получило в истории России название «интеллигенция». Само понятие «интеллигенция» формируется в XIX в. Не углубляясь в пять концепций происхождения, примем, что изначально это совокупность людей, не принадлежащих к представителям власти и не занятых производительным физическим трудом. Интеллигенцией для современника считаются люди, которые обладают высоким уровнем образования, профессионально занимаются интеллектуальным и/или творческим трудом, особым образом организуют досуг и играют важную роль в самосознании и оценке прошлого, настоящего и будущего социальной жизни. К ней принято относить ученых, инженеров, врачей, артистов, педагогов, писателей. Последние десятилетия этот состав пополняется программистами, дизайнерами, архитекторами, медиаэкспертами, представителями менеджмента и др. Черты интеллигенции могут быть выявлены у все более значительного числа индивидов. По М. К. Мамардашвили, «количественный рост современной интеллигенции есть не столько рост, как мы иногда склонны считать, ученых, например, физиков и др., сколько рост числа людей, занятых в сфере массовых коммуникаций, утилитарно-промышленных применений научных знаний и художественных открытий, социальных исследований и т. д.» [Мамардашвили], поскольку объективно растет доля услуг на рынке, что требует все более высокого уровня интеллекта и в полной мере свойственно постиндустриальному этапу развития экономики и общественной жизни.

Содержание понятия «интеллигенция» и определение духовных и материальных координат существования интеллигенции в социальном пространстве представлены в книге А. Бикбова «Грамматика порядка» [Бикбов 2014] на богатейшем эмпирическом материале

истории России и Франции. «Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность» – таков подзаголовок этой книги, где автор ставит проективную задачу произвести «тематизацию тех предпосылочных форм, в которых мы, нередко сами того не замечая, мыслим реальность своего общества и строим планы в ее отношении» [Бикбов 2014: 42]. Он исследует категориальную сеть, включающую понятия «средний класс», «третье сословие», «прослойка», «интеллигенция», «научно-технические работники», разбирает то, как наполняются содержанием эти понятия и как они трансформируются в различных обстоятельствах.

Что позволяет нам утверждать, будто интеллигенция – это специфическая маргинальная совокупность? Во-первых, отсутствие четкой и строгой принадлежности к определенному классу, что фиксируется и в политической риторике, и в программных официальных документах. Так, В. И. Ленин определяет «средний слой» как «разночинцев, интеллигенцию», существование которого «характерно для капиталистического развития всех стран, не исключая и Россию» [Ленин 1971: 488]. Почему «средний класс» как понятие встает в один ряд, синхронизируется с интеллигенцией? Начиная с французских авторов середины XIX в. большинство исследователей «сходится в нормативном определении среднего класса как категории, способной воплотить в себе преимущество общественного прогресса» [Бикбов 2014: 64]. Исторические факты «серединого» положения, неопределенности в социальном пространстве этой группы отражаются во множестве известных сюжетов: «хождения в народ», (как отмечает А. Эткинд, русские интеллектуалы производили операцию по конструированию Другого внутри собственного народа [Эткинд 2015: 24]); облик Л. Н. Толстого; поступки и внешний облик обэриутов, полные иронии и критики; или фантастические проекты научного управления обществом, созданные «интеллектуальной прослойкой» и получившие отражение в архитектуре советского периода и затем в планах научно-технической революции.

Рубиконом, точкой смысловых сдвигов в содержании понятия и в фактической истории интеллигенции стал 1917 г., когда произошел радикальный слом всей прежней социальной структуры, часть людей этого сообщества смогла эмигрировать и уже за рубежом

продолжала конструировать высокие идеи нравственного совершенствования, необходимого российскому народу. Ощукая, что существуют в своего рода «междумирье» [Киселева 2018], осознав, что им удалось «стать людьми гораздо более лишними, чем все “лишние люди” русского прошлого» [Варшавский 2010], эмигрантская интеллигенция смогла поставить своеобразный диагноз собственному существованию: «По словам Бердяева, “интеллигенция очень походила на секту, довольно нетерпимую, со своими коллективными и моральными социальными догматами”» [цит. по: Киселева 2018]. В то же самое время в период между двумя мировыми войнами и после 1945 г. интеллигенция в нашей стране переживала беспокойные времена. Как справедливо отмечает А. Бикбов, «доктрина социальной однородности раскрывается как социальная неопределенность» [Бикбов 2014: 127]. В тяжелые годы репрессий, военного и послевоенного времени для интеллигенции создавались особенные анклавные, огороженные от остального мира местоположения, в которых они могли заниматься духовным в широком смысле производством: так называемые «шарашки», в дальнейшем академгородки, наукограды, подчеркивавшие близость к рабочему классу и одновременно производящие надежду на общий прогресс как в степени сознательности, так и в практической деятельности участников этого синтетического единства. Эти «блуждания» интеллигенции позволяют определить ее как «плавающее означающее», которое в конкретных временных и пространственных социальных координатах каждый раз оказывалось ближе к тому или иному «большому континенту» общественного порядка, но никогда не высаживалось на твердую землю окончательно.

Второй аргумент тезиса о маргинальности интеллигенции как социальной совокупности в России XX в. состоит в том, что ей присуща непрекращающаяся практика самоописания и рефлексии собственного существования, места и роли в истории и социальной реальности, ставшая, по мнению ряда критиков, едва ли не главной задачей интеллигенции: «...анализ текстов, тактик говорящей “классической” интеллигенции свидетельствует скорее о том, что это говорение не иллокутивно, оно не предполагает ни существования другого сознания, то есть слушающего, ни целенаправленной деятельности. Основной замысел, или цель дискурса – это само-

определение и самоосуществление интеллигенции» [Бакшутова 2008: 93].

Итак, интеллигенция – это социальная совокупность, играющая значительную роль в общественном сознании нашей страны, претерпевшая существенные трансформации на протяжении своей истории и сохраняющая признаки маргинальной общности. Продуктивное изучение интеллигенции в ее актуальном состоянии возможно, если, и только если методологический инструментарий исследования будет отвечать двум требованиям. Во-первых, методология не может абстрагироваться от специфических черт изучаемого объекта, то есть не может игнорировать маргинальный характер интеллигенции, ее «междумирье». Во-вторых, этот инструментарий должен уже доказать свою продуктивность в исследовании социальной реальности.

II. Принцип гетеротопии

На наш взгляд, идея гетеротопии, аккумулированная в докладе М. Фуко «Другие пространства» [Фуко 2006: 191–204], в полной мере может послужить решению исследовательской задачи. Острота фукианской мысли точно отражена в названии. Речь идет о приоритетном внимании к пространству, а не ко времени; пространств как местоположений множество; производится обращение к Другому (Другим), которое в философской перспективе означает плюралистическую установку. Своеобразным «ключевым словом» этого доклада является термин «гетеротопия», который впервые был использован в работе «Слова и вещи» [Его же 1994]. Гетеротопия, как и утопия – это такие местоположения, «у которых есть любопытное свойство: они соотносятся со всеми остальными местоположениями, но таким образом, что приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» [Его же 2006: 195]. Различие между гетеротопией и утопией в отношении к реальности принципиально значимо. Если утопия – это «местоположения без реального места» [Там же: 195], то гетеротопии – это «своего рода одновременно и мифическое, и реальное оспаривание места, где мы живем» [Там же: 197].

Принципов описания гетеротопий несколько. Первая установка: нет ни одной культуры, не образующей гетеротопий, при этом у них нет строгих географических координат. Второй принцип: каждая гетеротопия отчетливо и определенно функционирует в рамках общества, и одна и та же гетеротопия – согласно синхронии культуры, где она располагается, – может функционировать так или иначе [Фуко 2006: 198]. Функция гетеротопий в культуре – сопоставлять в одном-единственном месте несколько местоположений, которые сами по себе несовместимы. Гетеротопии «работают» с пространством и географическим, и культурным, но они не безучастны ко времени, чаще всего раскрой пространства ведет и к специфическому отношению ко времени – оно может быть переформатировано, менять свою длительность. Важно, что существование гетеротопии характеризуется как одновременность свойств открытости и замкнутости, изолированности и проницаемости. И последнее – выполнение гетеротопиями фундаментальной задачи по отношению ко всему остальному пространству, состоящей в том, чтобы находиться между двумя крайними полюсами: иллюзионность – компенсаторность. Последнее означает, что гетеротопии существуют либо для того, чтобы показать иллюзорность реально действующих, привычных, нормальных или, в языке И. Канта, «патологических» [Зупанич 2019: 30] мест протекания жизни индивидов, либо для того, чтобы создать совершенное, тщательно обустроенное и организованное пространство, в проекции которого «патологические» места высвечивают свое несовершенство в полной мере.

Продуктивность методологического подхода, сформулированного Фуко, уже была доказана на примере ряда исследований социальной реальности. Так, А. П. Романова в статье «Типология гетеротопий и “другое” пространство России» [Романова 2018: 89–95] дает собственную классификацию гетеротопий, принципом которой является доминирование географического, социального или культурологического признака. Автору удается сказать новое слово в понимании социальной реальности в ее актуальном настоящем, при этом данные отраслевых наук получают нетривиальное прочтение, становятся вкладом в аргументацию.

Наиболее созвучным для исследования интеллигенции нам видится пример гетеротопии – судно. «Судно – это гетеротопия по преимуществу» [Фуко 2006: 204]. Корабль – это одновременно и реально действующий объект, материальный носитель возможности перемещения в физическом пространстве, и пространство воображения. Судно, во-первых, непрерывно пересекает границы больших статичных местоположений, являясь одновременно «местом без места» и фактически существующим материальным объектом, во-вторых, формирует собственную совокупность материального и духовного пространств, в-третьих, переплавляет в этом пространстве черты тех реальных физических местоположений (портов), в которых побывало, до неузнаваемости, до неразличимости, и в-четвертых, оно изолированно, замкнуто и проницаемо, открыто одновременно и в культурном, и в физическом смысле.

Судно, корабль в истории и культуре Западной Европы и России ярчайшим образом предстает в образе лодки Харона, легендарном «Арго», в формуле «корабль дураков», в путешествиях Гулливера. Для судьбы русской интеллигенции решающую роль сыграли так называемые «философские пароходы» после Октябрьского переворота 1917 г. и др. И каждый раз, говоря о судне, мы стыкуем физическое и культурное, мифологическое пространство особым образом, включая туда обязательную систему самоописания, регистрации, маркировки.

III. Гетеротопное описание интеллигенции

Проведем интеллигенцию как маргинальную группу через представленные принципы описания. Первое из положений – утверждение о том, что ни одна культура не существует без того, чтобы создавать гетеротопии, принимается в полном объеме. История страны как многонационального государства показывает усилия власти по формированию особого места для «интеллигентской прослойки», задачами которой было одновременно развитие национальной культуры и образование связей с центром. Точками фокусировки таких мест были национальные театры, издательства, оформленные с элементами национальной специфики публичные пространства, в которых культивировались синтетические единства народных, религиозных и светских «красных» дней официального календаря.

Одна и та же гетеротопия существует непрерывно, но общество по-разному может способствовать функционированию гетеротопий [Фуко 2006: 198], указывают «Другие пространства». Интеллигенция в России XX в. меняла свои названия в официальных документах, ее внутренний состав пополнялся новыми элементами (инженеры, диссиденты), но она оставалась той же самой маргинальной совокупностью, представляющей специфический взгляд на общество изнутри. Особое местоположение, максимально концентрированное пространство интеллигенции – это университет, взятый в широком значении. Во-первых, это постоянно возобновляемая практика закрепления и ограждения особой территории университета, во-вторых, попытки сохранения университетской системы при любых радикальных исторических обстоятельствах в целостности; в-третьих, постоянное расширение функций университета через формирование культурных, творческих, в современном дискурсе – инновационных практик и форм взаимодействия интеллектуальных видов деятельности (театр, хор, лаборатория, заповедник, ботанический сад, стартап-центр, кванториум, дом научной коллаборации и др.). И наконец, организация жизнедеятельности интеллигенции – университетского сообщества таким образом, чтобы ее представители были вынуждены осуществлять постоянное перемещение в социальном пространстве, курсировать, связывая город и деревню, национальные окраины и центр, крестьян и рабочих, малограмотных и образованных, по меньшей мере в форме «народный университет». Таким образом, университет – это, очевидно, «иное» место, но для каждого индивида в XX в. есть той или иной степени интенсивности связь с университетом и, следовательно, связь с интеллигенцией в личном опыте, в опыте семьи или близкого микрообщества.

Пожалуй, ярче всего можно представить третий принцип анализа гетеротопии – сопоставлять в одном-единственном месте множество пространств, которые сами по себе несовместимы. Примеры Фуко – сцена театра, кинотеатр, сад [Там же: 200], словом, все то, для существования чего необходим в первую очередь интеллектуальный труд, духовное производство, которым и занимается интеллигенция. Любой из этих образов гетеротопии – одновременно и

микроэлемент мира, и мир, взятый в его тотальности, целостности. Попытки воспроизведения мира в его тотальности пронизывают любой род деятельности интеллигенции, какой бы сферы она ни касалась, и любого фактического, географического места, в котором по тем или иным причинам оказывается. Создание спектаклей и концертов, переводы книг и научные открытия совершались не только в академических стенах, но и в этнографических экспедициях, в так называемых «шарашках», в культурных и трудовых десантах, в домах отдыха интеллигенции, писательских поселках и др. Другими словами, конкретное место, точка на карте хоть и значима, но не принципиальна для того, кто занят духовным производством, ориентирован на общественное благо и надеется на нравственный прогресс.

XX век – это период особых отношений культуры и времени, как отмечает А. А. Серых: «Время сжимается, оно становится ценным ресурсом и все большую актуальность приобретают мелкие единицы его измерения» [Серых 2013: 120], потому специфический раскрой времени, гетерохрония интеллигенции особенно интересна. Она выражается в одновременном упорном старании сохранить, переоткрыть заново «подлинное» прошлое и создавать нечто, максимально устремленное в будущее. Музей, архив и фантастическое прожекторство идут рука об руку. Аргументами могут послужить многочисленные исследования античной литературы и театра, интерес к итальянскому Возрождению, питавшие поэтов, философов, литераторов Серебряного века, они полны удивительных открытий и прозрений в чудовищно тяжелые годы Первой мировой войны. В постперестроечное время, то есть в наши дни, мы видим упорное желание соотноситься с интеллигентами той эпохи, получившими когда-то классическое университетское образование, без идеологических штампов и политических доминант сумевшими обойти все бюрократические препятствия и сохранить дух подлинного.

Создание и перманентная актуализация в литературе жанра фантастики на стыке с оценкой текущих достижений науки и техники, востребованность произведений научной фантастики среди населения выражают популярную версию футуристических горизонтов. Гетерохрония российской интеллигенции проявляется еще

и в том, что ни один из ее представителей, где бы он ни находился, в России или за рубежом, не оставляет попыток сконструировать «нового человека», время которого вот-вот настанет... «Человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт виден на горизонте» – писал А. Богданов в 1904 г. [Богданов 1990: 28]. Позднее Л. Троцкий ориентировал: «Выпустить новое, “улучшенное издание” человека – это и есть дальнейшая задача коммунизма» [Троцкий 1927: 110]. Тем же ориентирам посвящал свою деятельность педагог А. Макаренко: «Обыкновенная задача – воспитать человека так, чтобы он стал настоящим советским человеком» [Макаренко 1989: 342–345]. Параллельно с этим в эмигрантском журнале «Новый град» формировался образ «новоградского человека», который должен был нести в себе ценности свободы, веры и прогресса, быть новой версией синтеза консерватора и либерала. И этот же поиск перспективного человека с особыми духовными свойствами проявляется в известном эксперименте Э. В. Ильенкова в конце 70-х гг. – «формирование в массовом масштабе личности нового, коммунистического типа <...> стало ныне практической задачей и прямой целью» [Ильенков 1989: 387]. Интеллигентскому дискурсу свойственна неудовлетворенность настоящим и непрекращающийся поиск обязательно светлого, нравственно совершенного будущего.

Заключительный принцип описания гетеротопии в установлении отношения «иллюзионность/компенсаторность» присущ жизнедеятельности интеллигенции и ее дискурсу в полном объеме. Ярчайшей иллюстрацией может служить творчество М. Булгакова, когда в романе «Мастер и Маргарита» в сцене бала вплоть до мельчайших деталей узнаются фрагменты приема в американском посольстве, на который был приглашен писатель весной 1935 г. Есть и более современные аргументы. Так, для интеллигентского сообщества характерно формирование и функционирование постоянно действующих площадок самоописания и рефлексии места в социальной реальности уже не в физическом, а в виртуальном пространстве, а современность в этом случае меняет имя с «Галактики Гутенберга» на «Галактику Цукерберга» (основатель социальной сети «Facebook»).

Технический прогресс предоставил возможности практически любому индивиду осуществлять личную рефлексию в публичном

пространстве через социальные сети, стримы (короткие видео реальных фрагментов жизни), технологии дополненной реальности и пр. Иными словами, то, что ранее было глубоко интимным, личным делом, то, что было неизбывной судьбой интеллигенции, ее мученическими поисками себя, собственного места в истории и культуре, то, что было экзистенциально значимыми замыслами будущего совершенного облика общества и человека, сегодня стало общедоступным действием. Рефлексивные практики приобретают все большую распространенность, в первую очередь через эстетические феномены, которые, как верно отмечал еще С. Кьеркегор и убедительно показал в наши дни Б. Хюбнер, неизбежно имеют и этическую перспективу.

Таким образом, мы полагаем установленным, что маргинальность – это черта, присущая интеллигенции. Обращение к фактической истории интеллигенции в российской культуре XX в. показывает, что эта подвижная совокупность индивидов есть «плавающее означающее», родовым признаком которого является рефлексивная практика. Свойства маргинальности, в силу объективных экономических, политических, культурных и технологических причин характеризует все большее число людей. Применение принципов гетеротопии к исследованию интеллигенции обладает новизной и позволяет получить содержательную проекцию значимых аспектов социальной реальности. Вся многообразная культурная жизнь советского и постсоветского периода истории включает в себя особые усилия власти по формированию интеллигентской «прослойки» и соответствующего дискурса; особое «иное» место, которое по-разному может функционировать в социальном пространстве, но неизбежно остается концентрацией интеллигенции, занимает университет, взятый в широком значении как совокупность всех иницилируемых им дополнительных культурных практик; специфический раскрой времени производит интеллигентский дискурс одновременно в двух направлениях – поиск подлинного аутентичного прошлого и конструирование фантастического будущего, это касается не только социальной организации, но, в первую очередь, образа будущего «подлинного человека»; компенсаторность интеллигентского дискурса подчеркивает «патологичность» настоящего положения индивида.

Литература

- Бакшутова Е. В. Концепт «интеллигенция» в социально-психологическом контексте // Известия СНЦ РАН. «Педагогика и психология», «Филология и искусствоведение». 2008. № 2. С. 89–94.
- Бикбов А. Т. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М. : Изд. дом ВШЭ, 2014.
- Богданов А. А. Новый мир / А. А. Богданов // Вопросы социализма. М. : Политиздат, 1990.
- Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М. : ДРЗ имени Александра Солженицына: Русский путь, 2010.
- Зупанич А. Этика реального: Кант, Лакан. СПб. : Скифия-принт, 2019.
- Ильенков Э. Что же такое личность? / Э. Ильенков // Философия и культура. М. : Политиздат, 1989.
- Киселева М. С. Проект человека «Нового града» Ф. А. Степун и В. С. Варшавский // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 144–154.
- Ленин В. Развитие капитализма в России / В. Ленин // Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 3. М. : Политиздат, 1971.
- Макаренко А. Коммунистическое воспитание и поведение / А. Макаренко // Проектировать лучшее в человеке. Минск : Университетское изд-во, 1989. С. 342–345.
- Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5475> (дата обращения: 20.08.2021).
- Романова А. П. Типология гетеротопий и «другое» пространство России // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 89–95.
- Серых А. А. XIX век как время поколений в российской историографии рубежа XIX–XX веков // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / под ред. Е. Вишленковой, Д. Сдвижкова. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 120–131.
- Троцкий Л. Несколько слов о воспитании человека / Л. Троцкий // Соч. М., 1927. Т. XXI.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994.
- Фуко М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М. : Практикс, 2006. С. 191–204.
- Эткинд А. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М. : ArsisBooks, 2015.